

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Опыт (Петербургские очерки #12)

«Гости, съѣзжавшіеся на обычный «журъ-фиксъ» къ Перволинымъ, были чрезвычайно удивлены совершенно новымъ зрѣлищемъ, какое представляли пріемныя комнаты. Ни въ большой гостиной, гдѣ всегда царствовала великолѣпная, хотя уже старая теща, княгиня Ветлужская, ни во второй гостиной, душою которой являлась сама Марья Михайловна Перволина, ни въ будуарѣ, ни въ кабинетѣ, ни въ маленькой библіотечной, ни въ проходной билліардной – нигдѣ не было расставлено ни одного ломбернаго стола. Они куда-то исчезли, эти ломберные столы; даже маленькіе, изящные столики, складывающіеся паке-тиками, были скрыты пестрыми скатертями, и на нихъ съ невиннымъ видомъ возвышались лампы подъ громадными абажурами, или вазы съ цвѣтами...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Опытъ**

Гости, съѣзжавшіеся на обычный «журъ-фиксъ» къ Перволинымъ, были чрезвычайно удивлены совершенно новымъ зрѣлищемъ, какое представляли пріемныя комнаты. Ни въ большой гостиной, гдѣ всегда царствовала великолѣпная, хотя уже старая теща, княгиня Ветлужская, ни во второй гостиной, душою которой являлась сама Марья Михайловна Перволина, ни въ будуарѣ, ни въ кабинетѣ, ни въ маленькой библіотечной, ни въ проходной билліардной – нигдѣ не было расставлено ни одного ломбернаго стола. Они куда-то исчезли, эти ломберные столы; даже маленькіе, изящные столики, складывающіеся пакетиками, были скрыты пестрыми скатертями, и на нихъ съ невиннымъ видомъ возвышались лампы подъ громадными абажурами, или вазы съ цвѣтами.

Что за притча? раньше еженедѣльные вечера у Перволиныхъ носили исключительно карточный характеръ. Играли всѣ и вездѣ. Съ первымъ звонкомъ начинался подборъ партій. Въ большой гостиной, въ уголкѣ, винтъ по десятой для княгини-тещи; въ другомъ углу, передъ кушеткой, винтъ по со-

той для почетныхъ старушекъ, — строгій, академическій винтъ, безъ прикупки, при- сыпки, пересядки и всякихъ другихъ нововведеній. Во второй гостиной три винта подъ председательствомъ самой хозяйки, для дамъ помоложе, и для мужчинъ, по своей со- вершенной безцвѣтности записавшихся въ дамскіе партнеры. Въ будуаръ запасный винтъ на случай особенно многолюднаго съѣзда. Въ кабинетъ четыре винта отъ одной десятой до двухъ копѣекъ, для пріятелей са- мого Перволина — людей серьезныхъ, по боль- шей части весьма денежныхъ, и готовыхъ иг- рать какъ до ужина, такъ и послѣ ужина. Въ библіотечной — такъ называемый разбойничій столъ, за которымъ итогъ часто исчислялся тысячами. Въ билліардной — два запасныхъ стола. И вдругъ, ничего этого нѣтъ. Гости собирались, обозрѣвали комнаты, и болѣе или менѣе замѣтно пожимали плеча- ми. Нѣкоторые взглядывали на часы, пред- полагая, что пріѣхали слишкомъ рано. Физиономіи принимали не то кислое, не то оскорбленное выраженіе. Одинъ пожилой господинъ, бросившій было свою шапку за

библіотечный шкафъ, взялъ ее оттуда и переложилъ на каминъ въ гостиной, поближе къ выходу. Другой господинъ остановилъ проходившаго мимо лакея и спросилъ шопотомъ, не празднуетъ ли хозяйка сегодня день рожденія, и не будутъ ли танцовать. Лакей, еще раньше пришедшій въ разстройство оттого, что не предвидѣлось дохода отъ картъ, пробормоталъ скороговоркой: «не могу знать» – и побѣжалъ дальше.

Генеральша Спиридова, вся въ черномъ, съ сѣдой трясущейся головой, рѣшилась наконецъ выяснитъ положеніе.

– А что же, княгиня, – обратилась она къ тещѣ хозяина – наша партія, кажѣтся, вся на лицо. Гдѣ вы насъ посадите?

Княгиня вся какъ-то даже затряслась отъ этого вопроса, и бросила оторопѣлый взглядъ въ сторону второй гостиной, откуда долеталъ урывками голосъ дочери.

– Э, та chXre, развѣ я тутъ хозяйка въ домѣ, – отозвалась она кисло. – Тутъ дочь съ муженькомъ своимъ какіе-то новые порядки заводитъ хотятъ, на манеръ аглицкой академіи.

– Что такое? англійская академія? Это гдѣ акробатовъ обучаютъ? – всполошилась генеральша.

– Ну, я, можетъ быть, ошиблась. Не академія, а парламентъ, что-ли, – пояснила Ветлужская; – однимъ словомъ, гдѣ въ карты не играютъ, а только рѣчи говорятъ.

Въ эту минуту въ большую гостиную впорхнула m-me Перволина, оживленная, даже возбужденная, съ интереснымъ блескомъ въ глазахъ и чуть рдѣющимъ румянцемъ на хорошенькихъ щекахъ.

Впорхнувъ, она оперлась кончиками пальцевъ объ одинъ изъ столиковъ, скромно скрытыхъ подъ скатертями, и обвела гостей несовсѣмъ увѣрнымъ взглядомъ.

– Господа, я прошу у васъ снисхожденія и помощи. Я затѣяла переворотъ, громадный переворотъ. Мы сегодня не будемъ играть въ карты... – начала она, робѣя и внутренно себя подбодряя.

– Гм!.. – громко крякнулъ кто-то изъ старичковъ.

– Да, господа, мы не будемъ играть въ карты. Не правда ли, это интересно? – продолжа-

ла молодая хозяйка.

— Гхе! — крикнулъ на другой тонъ кто-то сзади нея.

— Право, господа, надо-же, наконецъ, сдѣлать этотъ опытъ, — заторопилась хозяйка, почувствовавшая что-то неодобрительное въ этихъ глухихъ побрякиваньяхъ. — Мы всѣ сто разъ читали, слышали, сами высказывались, что наше общество не знаетъ, что съ собою дѣлать безъ картъ или танцевъ, что винтъ совсѣмъ заѣлъ насъ, нагналъ въ наши салоны одичалость. И вѣдь это правда, господа! Такъ вотъ, попробуемъ же доказать, что это не больше какъ дурная привычка, что мы не разучились разговаривать, что у насъ есть общественные интересы, есть мысли, идеи, остроуміе... Все дѣло въ томъ, что надо кому-нибудь рѣшиться начать. Вотъ мы съ мужемъ и рѣшились. Онъ самъ больше всего на свѣтѣ любитъ винтъ, но онъ рѣшился пожертвовать собою. Не правда-ли, Пьеръ?

И молодая женщина быстро обернулась къ стоявшему позади нея мужу. Тотъ сначала неопределенно крикнулъ («что это они всѣ сегодня крикаютъ!») — удивилась Марья Михай-

ловна) – потомъ проговорилъ съ оттяжкой:

– Да, собственно, почему-же не попробовать? Хотя, признаться сказать... Но это, впрочемъ, цѣликомъ твоя собственная идея, я тутъ ни причемъ.

И онъ отошелъ подальше, какъ-бы заранѣе слагая съ себя отвѣтственность за послѣдующее.

Генералбша Спиридова съ шумомъ поднялась съ мѣста.

– Ну, ужъ какъ вамъ угодно, а только у насъ партія составлена, и вы насъ посадите, – обратилась она къ хозяйкѣ тономъ, не допускающимъ возраженій. – Другіе какъ себѣ хотятъ, а я пріѣхала винтить. Я въ аглицкомъ парламентѣ не бывала, изъ пустаго въ порожнее переливать не умѣю.

Марья Михайловна съ растерянной улыбкой оглянулась вокругъ. На всѣхъ лицахъ она читала неодобрительное недоумѣніе. Только одинъ молодой человекъ интереснаго вида, стоя въ наклоненной позѣ, съ прижатымъ къ сердцу клякомъ, улыбался съ такимъ видомъ, какъ будто ему было рѣшительно все равно, винтить-ли, танцовать-ли, или произнести

рѣчь, какъ въ англійскомъ парламентѣ.

— Хорошо, мы сдѣлаемъ маленькое исключеніе: одинъ столикъ, но только одинъ! — согласилась m-me Перволина. — И вы, тамап, устройтесь въ этой партіи, я буду спокойнѣе... — добавила она, поймавъ не то оскорбленный, не то умоляющій взглядъ княгини.

Съ одного изъ столиковъ была тотчасъ сдернута скатерть, и на немъ, словно по волшебству, явились двѣ колоды картъ, мѣлки и подсвѣчники.

— А теперь, господа, будемъ разговаривать. Неужели не найдется интересныхъ предметовъ для разговора? — произнесла Марья Михайловна, опускаясь на низенькое кресло и снова обводя всѣхъ взглядомъ. — Иванъ Максимовичъ, вы всегда все читаете, за всѣмъ слѣдите; какіе вопросы теперь на очереди? — обратилась она къ степенному господину лѣтъ пятидесяти, въ нѣсколько узкомъ фракѣ и съ пестрой бородкой въ три тѣни.

Степенный господинъ усмѣхнулся весьма значительно, осторожно повернулъ золоченый стулъ, и еще осторожнѣе опустился на

него.

– Да-съ, разумѣется... почему же не найти предмета для разговора? – произнесъ онъ – Вотъ, хотя бы взять разрѣшеніе драматическихъ спектаклей въ посту. Чрезвычайно пріятная новость.

– Правда, правда, – радостно подхватила хозяйка – Мы непременно поѣдемъ на этихъ дняхъ съ мужемъ въ Малый театръ. Ты слышишь, Пьеръ? Надо воспользоваться новостью. Говорятъ, тамъ даже особыя пьесы для поста приготавливаются. Это очень интересно.

– Очень интересно, – подтвердилъ молодой человѣкъ, лицо котораго выражало согласіе на все рѣшительно.

– Или, опять, относительно трещинъ въ городскомъ фильтрѣ, – продолжалъ степенный господинъ. – Я смотрю такъ, что вопросъ этотъ все еще недостаточно выясненъ. Можетъ быть кто-нибудь несогласенъ со мною, но я держусь своего мнѣнія.

Общее молчаніе показало, что никто не желаетъ оспаривать мнѣніе степеннаго господина. Это не нравилось хозяйкѣ, и она была рѣшительно противъ вопроса о трещинахъ.

– Мнѣ кажется, впрочемъ, что центръ сегоднѣшняго положенія находится въ Портъ-Артурѣ, – рискнула она, и довольно смѣло оглянулась на всѣхъ.

Кто-то изъ сидѣвшихъ вблизи опять крякнулъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Эхъ, куда хватила»!

– Баронъ, какого вы объ этомъ мнѣнія? – обратилась Марья Михайловна уже прямо къ маленькому, толстенькому старичку, красившему волосы въ золотисто-бѣлокурый цвѣтъ. – Вы вѣдь служите по дипломатической части, для васъ должно быть совершенно ясно, гдѣ находится центръ сегоднѣшняго положенія.

Баронъ сначала испуганно взглянулъ на нее, потомъ улыбнулся.

– До сегоднѣшняго вечера, мнѣ было совершенно ясно, что центръ положенія находится въ нашей обычной партіи по четверти, съ прикупкой, – отвѣтилъ онъ, граціозно склоняя голову; – но въ настоящую минуту я долженъ сказать, что положеніе вообще затемнилось... даже очень затемнилось...

– Bravo, bravo! – шумно раздалось со всѣхъ

сторонѣ. – Bravo, баронѣ! Вы поддержали репутацію дипломатической находчивости. – Положеніе затемнилось, отлично сказано!

Марья Михайловна не знала, какъ отнестись къ неожиданному взрыву оживленія. Съ одной стороны, было очень пріятно слышать смѣхъ въ своей гостиной, но съ другой, этотъ смѣхъ какъ будто звучалъ протестомъ противъ ея затѣи. Она ограничилась тѣмъ, что навела на лицо неопредѣленную улыбку.

– Баронѣ остроуменъ какъ всегда, – произнесла она поощрительно.

Одинъ изъ гостей, именно тотъ, который предусмотрительно положилъ шапку на каминъ, сгребъ ее оттуда рукой, и подойдя съ рѣшительнымъ видомъ къ хозяину, взялъ его подъ локоть.

– Слушайте, мой дорогой, вѣдь это-же не серьезно, э? – сказалъ онъ, отводя Перволина немного въ сторону. – Я согласенъ, прекрасная идея, сочувствую... но если-бы мы улизнули потихоньку въ «разбойницкую», да развинтили-бы три роббера? Знаете, наши всегдашніе, съ присыпкой, по двѣ копѣечки? А то, знаете, не привыкъ я... да и въ клубъ у

насъ теперь самый психологическій моментъ...

И онъ, въ видъ угрозы, помахалъ шапкой. Перволинъ подумалъ, поигралъ глазами, и сдѣлавъ ему мимическій знакъ, осторожно, неслышными шагами направился изъ гостиной. По дорогѣ онъ сдѣлалъ такіе-же мимическіе знаки еще двумъ партнерамъ, и тѣ тоже потянулись вслѣдъ за нимъ.

– Мнѣ Мари Бизюкина пишетъ изъ Ниццы, что тамъ теперь громаднѣйшій съѣздъ русскихъ, – обратилась къ хозяйкѣ молодая дама, имѣвшая привычку такъ щуриться, что оцвѣтъ ея глазъ до сихъ поръ не составилъ себѣ понятія даже ея мужъ.

– Тамъ теперь половина моихъ знакомыхъ, – сказала Марья Михайловна. – Еслибъ эти несносныя дѣла не задержали Пьера, мы тоже уѣхали-бы на Ривьеру.

– Нѣтъ, mesdames, какой я смѣшной случай расскажу вамъ, – вдругъ встрепенулъ на все готовый молодой человѣкъ. – Я никогда въ жизни такъ не смѣялся. Представьте себѣ, встрѣчаю я на-дняхъ Павла Ильича... вѣдь вы знаете Павла Ильича?

Позади рассказчика обнаружилось, между тѣмъ, оживленное шушуканье. Одинъ изъ гостей потихоньку показывалъ всѣмъ зажатую въ рукѣ игру картъ.

— Господа, я нашелъ въ ломберномъ столѣ старыя карты, — шепталъ онъ. — Пойдемте въ кабинетъ, запремся, да и сыграемъ три роббера. Въ другихъ столахъ тоже есть карты.

— Такъ вотъ, встрѣчаю я Павла Ильича, разговариваю съ нимъ, и можете себѣ представить, прошу его передать поклонъ его супругѣ... А вѣдь онъ овдовѣлъ полгода назадъ, но у меня, вообразите, изъ головы вылетѣло, — продолжалъ рассказчикъ. — Павелъ Ильичъ вытаращилъ на меня глаза, и говоритъ: «благодарю васъ, только ужъ извините, я не буду торопиться съ исполненіемъ вашего порученія; хочется еще пожить на этомъ свѣтѣ»

Марья Михайловна подала знакъ засмѣяться, но оглянувшись, замѣтила, что гостиная ея наполовину опустѣла. А въ сторонѣ кто-то изъ гостей, торопливо снявъ со столика лампу, вытаскивалъ изъ ящика старыя карты.

– Марья Михайловна, дамы такъ любезны, хотятъ погадать на меня; вы позволите? – спросилъ гость, плутовато подмигивая сговорившимся партнерамъ.

– А я обѣщаль показать пасьянсъ, который раскладываютъ вчетверомъ, – объявилъ другой гость, тоже вытаскивая изъ столика старыя карты, и подозрительно хихикая.

Черезъ четверть часа, во всѣхъ комнатахъ и за всѣми столиками исправно винтили. Марья Михайловна сначала обидѣлась, потомъ разсмѣялась, и попросила принять ее пятымъ партнеромъ въ партію.